

Время летело, подобно бегущему белому коню за щелью в стене, и в мгновение ока наступил следующий день.

Утренний свет едва забрезжил, его мягкие лучи падали на глазурованную черепицу дворца, преломляясь и отбрасывая разноцветные блики.

Пань Сюань прекрасно выспался, был полон сил и бодрости. Едва он протянул руку и толкнул тяжелые двери дворца, как увидел, что Журавлиный мальчик уже почтительно поджидает его у входа.

Одетый в белые одежды Журавлиный мальчик держался прямо и гордо. Заметив вышедшего Пань Сюаня, его глаза ярко блеснули, он поспешно сделал несколько шагов вперед и почтительно сложил руки перед грудью:

— Маленький господин, учитель велел мне проводить вас во Дворец Юйсуй.

Пань Сюань слегка кивнул, тронутая мягкой улыбкой губа изогнулась, и он знаком велел Журавлиному мальчику вести за собой.

Оба шли быстрым, легким шагом, двигаясь по извилистой бессмертной тропе. Вокруг клубились мистические туманы, а диковинные цветы и травы источали волны тонкого аромата.

Вскоре они подошли к величественному и строгому фасаду Дворца Юйсуй.

Дворец Юйсуй поражал воображение своей грандиозностью: взметнувшиеся к небесам карнизы, сложные переплетения балок и кронштейнов, резные балки и расписанные потолки — всё это в полной мере являло величественный стиль обители бессмертных.

Пань Сюань уверенно вошел внутрь и, бросив взгляд вокруг, обнаружил, что в зале, помимо его отца Юань-ши Тянь-цзуня, находится еще с десяток человек.

Заметив вошедшего Пань Сюаня, эти люди выказали на лицах крайнее недоумение.

Кто-то слегка хмурился, кто-то перешептывался с соседом, мысленно размышляя: кто это такой? Неужели наставник взял себе нового ученика?

Хотя всех терзали сомнения, из уважения к правилам почтительного отношения к учителю никто из них не осмелился заговорить первым.

Юань-ши Тянь-цзунь восседал на главном месте, обладая истинно бессмертной одухотворенной внешностью. Заметив появление Пань Сюаня, он озарил лицо мягким, любящим выражением и произнес:

— Сюань-эр, подойди поскорее к отцу.

Когда Пань Сюань подошел ближе, Юань-ши Тянь-цзунь жестом указал на собравшихся и сказал сыну:

— Все они — мои ученики из Учения Чжань.

Пань Сюань стоял перед Юань-ши Тянь-цзунем, окидывая этих людей пронзительным, внимательным взглядом.

Мысленно он сопоставлял увиденное с прочитанными до своего переселения романами, легко определяя их личности.

Двенадцать из них почитались как Двенадцать Золотых Бессмертных: Гуан Чэнцзы обладал твердым, решительным лицом, а вокруг него разливалась аура неизменной стабильности;

Чи Цзинцзы носил алые одежды, его взгляд был остр;

Чжэньжэнь Хуанлун отличался мягким нравом, словно благородный и скромный муж;

Цзюйлюсунь излучал доброжелательность с добрыми глазами и аурой безмятежности;

Реальный человек Тайъи улыбался во весь рот, источая легкую беззаботность;

Великий мастер Линбао держался сурово и торжественно;

Тянь-цзунь Вэньшу Гуанфа обладал величественным и внушительным обликом;

Истинный человек Пусянь смотрел с добротой, в каждом чертёже лица читалось милосердие;

Даос Цыхан держался с безупречной осанкой, а его глаза были полны нежной заботы;

Чжэньжэнь Юйдин смотрел глубоко и проницательно, источая мудрость;

Тянь-цзунь Даохан хранил отрешенное и безмятежное выражение лица, возвышаясь над мирской суетой;

Истинный владыка Цинсуй Дэдэ обладал утонченной элегантностью, напоминая сошедшего с небес небожителя.

Там же сидел и Даос Раньдэн, расположившись в стороне с надменным выражением лица. В Учении Чжань он занимал положение сразу после Юань-ши Тянь-цзуня, являясь главой всех бессмертных этого учения. Его статус был поистине возвышенным, и назвать его заместителем главы было бы вполне справедливо.

Однако в памяти Пань Сюаня этот человек был лишь беспринципным двуличным предателем.

Старец Наньцзи, обладавший классической внешностью бессмертного, был учеником, стоявшим по рангу сразу за Даосом Раньдэном.

Его ученик Журавлиный мальчик — тот самый, что привел Пань Сюаня, — служил мальчиком-служкой самого Юань-ши Тянь-цзуня и пользовался его глубоким доверием и уважением.

Юньчжун-цзы, прозванный Благодатным Чжэньсянем, весь был окутан аурой удачи и благополучия.

Дэн Хуа и Сяо Чжэнь на их фоне выглядели куда бледнее и уступали даже Двенадцати Золотым Бессмертным. Пань Сюань почти не запомнил их, лишь бегло скользнув по ним взглядом.

Что же до Шэнь Гунбао и Цзян Цзыя, то до Великого бедствия Дарования Богов было еще далеко, и где находились эти двое, появились ли они вообще на свет, оставалось неизвестным.

Пань Сюань продолжал внимательно изучать собравшихся, задерживая взгляд прежде всего на тех, кто после битвы Дарования Богов изменит своему учению, и в его глазах мелькало незаметное холодное блеск.

Окончание войны Дарования Богов обернулось для Даоса Раньдэна чудесным преображением в Прошлого Будду учения Будды — Древнего Будду Жаньдэна;

Цзюйлюсунь стал одним из Семи Древних Будд учения Будды — Буддой Цзюйлюсунь;

Тянь-цзунь Вэньшу Гуанфа, Истинный человек Пусянь и Даос Цыхан обратились соответственно в Бодхисатву Вэньшу, Бодхисатву Пусянь и Бодхисатву Гуаньинь — четырех великих бодхисаттв учения Будды.

Пань Сюань мысленно решил, что непременно задаст этим людям хорошую взбучку, когда придет время, заставив их заплатить за предательство.

Пань Сюань молча стоял рядом с Юань-ши Тянь-цзуном, спокойно переводя взгляд на стоявших внизу людей.

Те же пребывали в крайнем замешательстве: их широко раскрытые глаза выражали

абсолютное неверие, а взгляды намертво впились в Пань Сюаня, словно они пытались прожечь его насквозь.

Прежде каждый из них гадал про себя, не является ли этот молодой человек рядом с Юань-ши Тянь-цзунем новым любимым учеником, которого наставник приблизил к себе.

В конце концов, удостоиться благосклонности Юань-ши Тянь-цзуня мог только человек необычайный.

И тем не менее, узнав, что Пань Сюань — родной сын Юань-ши Тянь-цзуня, они испытали потрясение, которое мощной волной смыло все прежние домыслы.

В их головах воцарилась пустота, где эхом отдавалась лишь одна ошеломляющая новость: у нашего учителя есть потомство!

Мысли учеников Учения Чжань, стоявших внизу, закрутились с лихорадочной скоростью.

Кто-то слегка прищурился, соображая, как бы половчее выстроить хорошие отношения с этим внезапно объявившимся Святым сыном Пань Сюанем;

Другие исподтишка переглядывались с товарищами, и в их взглядах читался голый расчет.

В этот момент Юань-ши Тянь-цзунь слегка приподнял руку, прочистил горло и снова заговорил.

Его голос — мощный и величественный, исполненный непререкаемого авторитета — поплыл и раскатился под этим куполом небес:

— Я собрал вас здесь во-первых, чтобы вы познакомились друг с другом, а во-вторых, чтобы объявить о великом событии. Спустя сто лет я проведу великий съезд Учения Чжань, на котором официально провозглашу Пань Сюаня Святым сыном нашего учения!

Едва слова Юань-ши Тянь-цзуня смолкли, как прежде чем кто-либо успел оправиться от сильнейшего шока, из его рук вырвался ослепительный луч света.

Это сияние мгновенно превратилось в священный указ Святого и с неудержимой силой устремилось во все уголки мира Хунхуан, расширяясь во все стороны.

В одно мгновение весь мир Хунхуан оказался окутан этим ослепительным светом.

Словно на весь Хунхуан кто-то нажал кнопку паузы, и все живые существа замерли на месте,

пораженные столь внезапным зрелищем.

Будь то великие аскеты, уединенно совершенствующие свои навыки, бессмертные странники в пыльном мире или противоборствующие силы Двора Демонов и клана Ву — все они в этот момент задрали головы, устремив взоры к источнику ослепительного сияния.

В их сердцах одновременно пронеслась одна и та же мысль:

У Юань-ши Тянь-цзуня есть потомство!

Эта весть, подобно огромному валуну, брошенному в гладь озера, подняла тысячи волн.

Каждый знал, как ревностно Юань-ши Тянь-цзунь защищает своих близких и как дорожит собственной гордостью. Теперь же, когда у него появился наследник, это несомненно означало появление в мире Хунхуан еще одной могущественной фигуры, с которой лучше не связываться.

Несмотря на то, что указ уже разошелся и весь Хунхуан был поставлен в известность, Юань-ши Тянь-цзунь сохранял невозмутимость.

Он легко взмахнул рукой и призвал Журавлиного мальчика.

Тот почтительно подлетел к Юань-ши Тянь-цзуню, отвесил глубокий поклон и замер в ожидании приказа.

Юань-ши Тянь-цзунь смотрел на него сдержанно, но с проблеском надежды во взгляде, и медленно промолвил:

— Возьми мои приглашения и доставь их всем великим мастерам Хунхуана. Передай им, чтобы через сто лет они обязательно явились на съезд Учения Чжань.

Получив приказ, Журавлиный мальчик обратился в белую вспышку света и умчался прочь.

Восседа на циновке, Юань-ши Тянь-цзунь сохранял строгий, но в то же время невозмутимый вид. Он медленно окинул взглядом притихших учеников и звонким, сильным голосом произнес:

— На сегодня разойдитесь. Через сто лет я жду вас здесь точно в срок, смотрите не испортите великое дело.

Ученики хором отдали приказ и стали один за другим удаляться.

Однако Юань-ши Тянь-цзунь оставил Пань Сюаня одного.

Когда все удалились, он слегка поднял руку, жестом подзывая сына поближе.

В его глазах поубавилось недавней суровости, сменившись заботой и ожиданиями, и он мягко произнес:

— Сюань-эр, съезд Учения Чжань — событие величайшей важности, ведь на нем тебя возведут в сан Святого сына. Тебе следует уделить особое внимание множеству деталей.

После этого Юань-ши Тянь-цзунь стал подробно наставлять Пань Сюаня: от порядка проведения съезда и стратегии поведения с различными силами до поддержания порядка на церемонии. Он не упустил ни единой мелочи, давая наставления по каждому пункту.

Пань Сюань почтительно стоял рядом, слушая с опущенной головой и время от времени кивая в знак согласия, накрепко вбивая каждое слово отца в память.

<http://bllate.org/book/20172/2009323>